

Глава 25

— Знаешь, почему я решил сделать этот бумажный наряд небесно-голубым? — голос Инь Мо звучал ровно, почти буднично, словно он обсуждал что-то совершенно незначительное во время работы.

Ань Сю, напротив, заметно нервничал.

— Наверное, Лю Чжэньхун сама так захотела?

Инь Мо кивнул:

— Она очень дорожила тем старым пуховиком такого же цвета. Постоянно его носила. Столько лет прошло... там, небось, и пуха-то внутри уже не осталось.

Юноша лишь неопределенно хмыкнул.

— В деревне вас с тётушкой Вэй всё еще донимают? — снова спросил Инь Мо.

Ань Сю вымученно улыбнулся:

— Под твоим крылом — не смеют. Так, разве что пошепчутся за спиной, но мне плевать. Привык уже.

— А ведь когда-то и Лю Чжэньхун тебя защищала, — вставил Инь Мо.

Улыбка сползла с лица Ань Сю.

— Брат...

Инь Мо негромко усмехнулся:

— В те времена я сам был тем еще изгоем, мне было не до вас. Помню, к Вэй Лицзюнь вечно заходили какие-то подозрительные типы, искали неприятностей. Ты тогда был совсем мелким, но лез её защищать. Тебя каждый раз колотили, да и деревенские мальчишки не давали прохода. Однажды Лю Чжэньхун это увидела — она разогнала и взрослых, и детвору. А потом укрыла тебя тем самым пуховиком.

Мастер не смотрел на собеседника. Его кисть плавно скользила по бумажной фигуре, выводя изящные линии. Сю-цзы сначала не отрывал взгляда от его работы, но потом поник, неловко шаркая ногой по полу.

— Да? Дела давно минувших дней, я уже и не помню ничего.

— А Лю Чжэньхун помнит, — отрезал Инь Мо.

Ань Сю мгновенно нахмурился:

— Что она тебе наговорила?

— Я принял её заказ, а значит, должен был выслушать её пожелания. К тому же, ты ведь знаешь — в школу я не ходил, делать мне было нечего, вот и шлялся по деревне целыми днями. Иногда видел, как ты бегал к ней играть. Двое всеми покинутых чудаков... вы тогда выглядели вполне счастливыми.

Юноша хотел было что-то возразить, но собеседник перебил его:

— Впрочем, самым презираемым в деревне всегда был я.

— Брат...

— Лю Чжэньхун сказала, что бумажный наряд должен быть именно небесно-голубым. Потому что ты когда-то ей сказал, что этот цвет ей очень идет. — Инь Мо наконец поднял взгляд на своего помощника. — В тот день, когда она тебя защитила, на ней ведь был именно тот пуховик, верно?

Ань Сю отвел глаза:

— Я правда не помню.

Инь Мо кивнул и вернулся к раскрашиванию. В комнате воцарилась тишина. Юноша принялся за танъюань, но, съев всего пару штук, не смог больше проглотить ни кусочка. Он отставил пиалу и ушел на кухню. Когда он вернулся, Инь Мо всё еще работал и, похоже, уходить не собирался. Ань Сю бесцельно побродил среди бумажных заготовок, переставляя их с места на место.

— До моего возвращения вам с матерью жилось несладко, — произнес Инь Мо.

— Брат! — голос юноши сорвался. — Хватит об этом. Сейчас у нас всё хорошо. Я подкоплю еще немного денег, и через пару лет мы купим квартиру в поселке. Увезу мать отсюда.

— Вот как? — Инь Мо не оборачивался. — Жизнь в поселке недорогая. Денег, что ты накопил за эти годы, давно бы хватило на переезд.

Ань Сю замер:

— Ну... я просто думал, что здесь работать удобнее. Места больше.

— Чжоу Цансо сейчас в больнице, — сменил тему Инь Мо. — Похоже, ему недолго осталось.

Юноша принялся заготавливать бумажные цветы. Его тон стал безразличным:

— Зачем ты его вспомнил?

— Тебе ведь радостно от этого? Видеть, как он угасает после смерти внука?

— Это меня не касается, — руки Ань Сю мелькали с поразительной скоростью. Бумажные цветы были самым простым изделием, он научился их делать первыми. Обычно они выходили у него идеальными, но этот получился кривым. — Всё, что происходит в этой деревне, меня не касается.

— А я-то думал, ты помнишь, как он обошелся с твоей матерью. Он...

— Замолчи! — Ань Сю оборвал его на полуслове.

Инь Мо поднял голову. Перед ним стоял ученик — лицо его потемнело от гнева, кулаки были сжаты так, что на руках вздулись вены.

— Брат, я правда не хочу ворошить прошлое. Оно ушло.

Тот спокойно выдержал его взгляд. Несколько секунд спустя он спросил:

— Ушло ли?

Ань Сю заметно сдал назад:

— Да. Давно.

— Есть одна вещь, которой я крайне недоволен, — Инь Мо внезапно сменил тему.

Юноша удивленно моргнул:

— Что?

— Ты трудолюбив и сообразителен. Быстро учишься, никогда не задерживаешь заказы. Но ты терпеть не можешь доставлять товар клиентам. Обычно я сам вожу заказы, когда возвращаюсь.

Ань Сю, казалось, что-то понял. Его взгляд стал странным.

— Но двадцать шестого числа ты сам попросил у меня машину, чтобы отвезти заказ, — холодный взгляд Инь Мо вонзился в помощника. — С чего вдруг такая щедрость?

— Так... это... праздники же на носу. Ты и так был завален работой, — по лбу юноши скатилась капля пота. — Брат, что с тобой сегодня такое?

— У меня всегда много работы, но двадцать шестого я был вполне свободен. — Инь Мо сделал пару шагов к нему. — Ты действительно возил заказ? Или доставка была лишь предлогом, чтобы вывезти из дома что-то другое?

Ань Сю широко раскрыл глаза, пот заливал ему лицо.

— Что еще я мог везти, кроме товара? Брат, ты... я...

— Ты прекрасно знаешь, что именно ты вез. И я знаю. — Инь Мо прищурился, и его аура стала подавляющей. Он остановился в шаге от Ань Сю, который уже прижался спиной к стене. — Полиция расследует дела Чжоу Сянъяна и Лю Ланьшань. Здесь работают не только люди из участка, но и из городского управления. Думаешь, сможешь отсидеться?

— О чем ты вообще, брат? Я — убийца? Ха-ха! Ты с ума сошел?! — взгляд юноши стал безумным. — Я их почти не знал! Эту Лю... Лю Ланьшань я видел-то один раз. За что мне её убивать? А внук Чжоу Цансо... я же сказал, прошлое забыто! У нас с матерью всё наладилось, зачем мне трогать мальчишку?

— Это тебе лучше знать, — Инь Мо отступил на два шага. — Иди с повинной. Подумай о матери.

— Я никого не убивал! В чем мне признаваться?! — Ань Сю зашелся в жутком, истерическом смехе.

Инь Мо долго смотрел на него, затем взял куртку. Юноша тут же бросился наперерез, преграждая путь:

— Брат, брат! Не вздумай ничего говорить моей матери!

Мужчина бросил взгляд на лестницу:

— Когда Юэ Цянь выйдет на твой след, у тебя уже не будет выбора.

Силуэт Инь Мо растворился в темноте переулка. Ань Сю выбежал вслед за ним, постоял немного, а затем опустился на корточки в тени фонаря. Он долго сидел так, не в силах подняться.

Юэ Цянь снова патрулировал окрестности дома Инь. Он по привычке заглянул в темный двор, и когда уже собирался уходить, заметил скорчившуюся фигуру Ань Сю. Тот поднялся, и в тусклом желтом свете фонаря его лицо на миг показалось офицеру по-настоящему пугающим. Юэ Цянь замер в замешательстве, а в следующую секунду юноша уже скрылся во дворе.

Проверка фургонов и грузовых трициклов шла полным ходом. Даже старую колыхающую дедушки Юэ осмотрели вдоль и поперек. Деревенские ворчали, кто-то в открытую отказывался сотрудничать, и старику Юэ пришлось лично убеждать соседей.

— Старик Юэ, ты-то чего лезешь? — возмутились жители. — Скажи своему Цянь-цзы, пусть нас не трогает. Мы же свои, какие к нам вопросы?

— Э, нет! — прикрикнул Старик Юэ. — Тут дело серьезное, внуку карьеру портите! Осматривайте, осматривайте! Всех надо проверить, не тяните время, помогайте следствию!

Тем временем в городском управлении через того самого врача-гинеколога наконец удалось найти Ли Цяньцзы. Оказалось, она уже давно живет в Южной Азии, вышла замуж и даже сменила гражданство. Известие о том, что её ищет полиция, вызвало у неё сначала шок, а затем страх. В ходе десятиминутного телефонного разговора она узнала о самоубийстве бывшего мужа. Ли Цяньцзы долго молчала, а потом, всхлипнув, проговорила:

— Собаке — собачья смерть.

Она согласилась на допрос по видеосвязи. Юэ Цянь поспешил в конференц-зал. Когда связь установили, на экране появилось лицо полной женщины. Офицер сверился с фотографиями в досье: Ли Цяньцзы сильно постарела, сделала короткую завивку, но в чертах лица всё еще угадывалась былая красота.

Она вежливо кивнула в камеру:

— Я Ли Цяньцзы, бывшая жена Ли Фухая. У меня есть один вопрос, прежде чем мы начнем.

— Слушаю вас, — ответил Е Бо.

— Ли Фухай... он действительно мертв? — её голос мелко дрожал от нетерпения.

— Да. — Е Бо продемонстрировал отчет о вскрытии и снимки с места происшествия. — Хотите взглянуть?

В глазах женщины заблестели слезы:

— Слава богу... Слава богу! — Спустя пару минут она вытерла лицо платком и успокоилась. — Спрашивайте, я расскажу всё, что знаю.

Юэ Цянь изложил суть дела: обстоятельства самоубийства Ли Фухая, его фабрика булавок, факт отсутствия у него способности к деторождению и связь с бандой торговцев яйцеклетками. Слушая его, Ли Цяньцзы менялась в лице.

— Я была самой первой жертвой, — проговорила она. — Все эти методы... он сначала опробовал их на мне! Он чуть не убил меня!

Женщина была родом из города Наньхэ, из простой рабочей семьи. Она выросла в заводском общежитии, занималась танцами в местном ансамбле и стала настоящей красавицей. После школы её приняли в городскую танцевальную труппу.

Однажды после выступления её подкараулил Ли Фухай. Он был на три года моложе, хорош собой и производил впечатление обеспеченного человека. Ли Цяньцзы, грезившая о большой любви, быстро ответила на его ухаживания.

В начале их отношений она чувствовала себя самой счастливой на свете. Карьера шла в гору, Ли Фухай души в ней не чаял: не пропускал ни одного выступления, а после возил её по всему городу Наньхэ. Хоть она и выросла в этом городе, но из-за бедности видела лишь окрестности завода, а теперь перед ней открылся целый мир.

Спустя два года они познакомились с родителями друг друга. Семьи одобрили выбор, но родные супруга поставили условие: она должна бросить танцы и стать домохозяйкой. Ли Цяньцзы была в замешательстве — она любила свою профессию и считала, что у женщины должно быть своё дело.

Ли Фухай тогда встал на её сторону. Он обещал поддерживать её во всём. Но вскоре на одном из выступлений она получила травму. Пока несколько месяцев восстанавливалась, её место заняли другие.

Мать, вечно хмурая, убеждала её: «Ну сколько ты еще протанцуешь? Это же профессия для молодых. Ли Фухай и его семья так к тебе добры, если упустишь такой шанс, где потом найдешь такую партию?»

Она колебалась. И как раз в это время муж завел разговор о детях — мол, заглядывается на чужих малышей и хочет своего. Раньше из-за карьеры они этот вопрос откладывали, она всегда предохранялась. Теперь же подруги уже всю рожали, будущее в труппе было туманным, и Ли Цяньцзы решилась. Она уволилась, вышла замуж и приготовилась стать матерью.

Так начался кошмар её жизни.

Поначалу всё казалось идеальным, но через полгода давление семьи стало невыносимым. В маленьких городках, если у невестки через шесть месяцев нет живота, старшие начинают проявлять «заботу». Свекровь то и дело приносила целебные отвары и намеками выспрашивала об их успехах. Пострадавшая пыталась жаловаться мужу, но тот и сам начал терять терпение — в тот вечер он впервые взял её силой.

За годы знакомства Ли Фухай всегда был нежен. В тот раз он не только поднял на неё руку, но и заявил, что она не может забеременеть из-за своих танцев — мол, вымотала организм. Разве может такая родить?

Потрясенная Ли Цяньцзы сбежала к родителям, но те даже не дослушали её. Мать во всём обвинила дочь: «Всё из-за твоих диет. Какие танцы, зачем теперь худеть?» Родители сами вернули её в дом мужа. После этого мать стала действовать в унисон со свекровью: заставляла её пить горькие травы и жирные супы. Женщину тошнило, за пару месяцев она прибавила десять килограммов.

Она превратилась в дородную женщину «с хорошими бедрами», но живот рос только от жира.

Семья супруга начала в открытую называть её пустоцветкой. Ли Цяньцзы даже слышала, как свекровь подговаривала сына на развод, но он упирался: «Мама, не говори так! Я люблю Цяньцзы, я никогда её не брошу!»

Эти слова стали для неё капканом. Она чувствовала вину, терзалась мыслями, что действительно сгубила здоровье танцами. В конце концов женщина сама предложила: «Давай пойдём к врачам».

Ли Фухай отвез её в больницу города Наньхэ. Обследование показало: она абсолютно здорова. Врачи посоветовали провериться супругу — ведь проблема не всегда в женщине.

Так выяснилось, что Ли Фухай бесплоден. Он не мог в это поверить, Ли Цяньцзы тоже. Они объездили все клиники Наньхэ и соседних мегаполисов. Где-то обещали вылечить и прописывали горы таблеток, где-то разводили руками и советовали не тратить время.

Женщина как могла поддерживала мужа. Она следила за приемом лекарств, возила его в столицу. Но в ходе лечения характер супруга стал портиться. Он часто срывался на жене, бил её, а потом каялся и перед тестем с тещей притворялся идеальным зятем. Ли Цяньцзы думала о разводе, но поддержки было ждать не от кого. Без работы, без будущего, она продолжала

жить в этом замкнутом круге бесплодных надежд.

Однажды делец познакомился с группой людей, называвших себя специалистами, вернувшимися из-за границы. Одной из них была А Цзюй. Они показывали примеры успешных беременностей, и Ли Фухай, окрыленный надеждой, немедленно втянул в это жену.

А Цзюй, изучив анализы Ли Цяньцзы, странно улыбнулась. Тогда женщина еще не знала, что значит эта улыбка и какие круги ада ей предстоит пройти. Она видела лишь, как муж увлеченно беседует с этими людьми. Он вложил в их дело крупную сумму, и на какое-то время дома стало спокойнее. Супруг перестал её притеснять, снова начал шутить — им казалось, что вернулись времена их влюбленности.

Вскоре Ли Фухай снова привел её к А Цзюй. Та начала рассказывать о вещах, которые пострадавшая понимала с трудом: извлечение яйцеклеток, суррогатное материнство... Говорила, что на Западе это норма, что там людей с проблемами еще больше, и вся индустрия давно отлажена.

Растерянная женщина спросила: «Что от меня требуется?» Главари группы с улыбкой ответила: «Просто вовремя делайте уколы и ешьте то, что написано в карте питания».

Ей сделали первый укол. Тело пронзила тупая, тягучая боль. Она не была острой, но лишала сна. Свекровь стала приходить еще чаще, заставляя невестку пить пресный суп из карасей. Ли Цяньцзы рвало, но она пила его снова и снова.

Когда пришло время следующих инъекций, А Цзюй запретила ей возвращаться домой — заявила, что пациентка должна находиться под постоянным наблюдением. Ли Цяньцзы чувствовала, как грудь и низ живота наливаются свинцовой тяжестью, её бросало из депрессии в эйфорию. Только позже она узнала, что это было действие гормонов.

Когда яйцеклетки «созрели», её отправили на операционный стол. По какой-то причине наркоз не подействовал, и женщина едва не умерла от невыносимой боли. В глазах Ли Фухая в тот момент светилось безумие — он смотрел на пробирки так, будто из неё достали не клетки, а уже готового ребенка.

Её яйцеклетки были здоровы, но муж не мог дать нормальных сперматозоидов. Между ним и А Цзюй вспыхивали ссоры: та прямо заявила, что если он хочет ребенка, ему придется использовать материал другого мужчины. Ли Фухай не мог этого принять. Вместо этого он заставлял несчастную раз за разом проходить через извлечение клеток, отдавая их команде А Цзюй для экспериментов. Целых два года она жила во тьме, не имея сил даже на то, чтобы покончить с собой.

Постаревшая Ли Цяньцзы горько усмехнулась:

— В те годы я не чувствовала себя человеком. Я была просто инкубатором для производства

биоматериала.

От этих слов в зале совещаний повисла мертвая тишина. Юэ Цянь услышал, как сидевшая рядом девушка-полицейский судорожно вздохнула.

Покойный обладал недюжинной деловой хваткой. Пытаясь завести своего ребенка, он разглядел в этом бизнесе золотую жилу. А Цзюй и её банде как раз нужны были инвестиции. Постепенно Ли Фухай переключил внимание с жены на бизнес. Он вкладывал деньги, женщина искала новых жертв. Оказалось, что яйцеклетки Ли Цяньцзы начали продавать другим семьям.

А Цзюй с гордостью говорила ему: «Господин Ли, у вашей жены отличные гены. На них можно хорошо заработать».

Супруг терзался противоречиями: с одной стороны, его радовала прибыль, с другой — он впадал в ярость от мысли, что его жена дает жизнь чужим детям. Бесплодие лишило его мужского достоинства, он становился всё более жестоким. Ли Цяньцзы превратилась в инструмент для сброса гнева и выкачивания денег. Это продолжалось до тех пор, пока А Цзюй не положила перед ним отчет: организм жены был истощен, она стала бесполезной.

Её отпустили. Ли Фухай согласился на развод. Она вернулась к родителям, но встретила лишь презрение родственников. Здоровье было подорвано, о танцах пришлось забыть. Без образования и опыта женщина перебивалась случайными заработками.

К её удивлению, через несколько лет пути Ли Фухая и А Цзюй разошлись. Говорили, делец сильно заболел, а его мать, будучи суеверной, привела гадалку. Та заявила, что все беды — от его грязных дел, и он должен немедленно всё прекратить.

После этого Ли Фухай бросил всё и уехал в уезд Чанцзы открывать фабрику. Ли Цяньцзы же, работая в одном из заведений, познакомилась с иностранной танцевальной труппой. Пусть она сама уже не могла выступать, её понимание традиционного танца вдохновило артистов. Так, волею случая, она оказалась в Южной Азии и навсегда оборвала связи с прошлым.

В самые тяжелые времена ей помогала та самая врач-гинеколог, с которой она изредка созванивалась все эти годы.

Вытерев слезы, Ли Цяньцзы четко резюмировала: банда Ли Фухая и А Цзюй орудовала около пяти лет. У них не было ни лицензий, ни нормального оборудования — их «клиники» были хуже подпольных притонов. Они брали огромные деньги с богатых клиентов, а донорами становились бедные девушки. Многие из них могли погибнуть, а те, кто выжил, скорее всего, навсегда остались калеками, как и она сама.

В завершение Ли Цяньцзы добавила: Ли Фухай не из тех, кто кончает с собой. Его наверняка заставили. Что касается А Цзюй, то она куда страшнее покойного мужа. Ли Фухай мог отступить из-за суеверий, но эта женщина — никогда. Она наверняка нашла себе нового

инвестора.

— Если за все эти годы А Цзюй не поймали, значит, её методы стали куда изощреннее, — Юэ Цянь посмотрел на Чэнь Суя и Е Бо. — Вполне возможно, что она причастна к «самоубийству» Ли Фухая.

Е Бо кивнул. Имя А Цзюй всплывало во многих показаниях, но выйти на её след будет непросто.

Закончив совещание, Юэ Цянь глянул на часы и быстро направился к выходу. Чэнь Суй окликнул его:

— Ты куда это собрался?

— Мне нужно встретиться с одним человеком, — бросил офицер.

<http://bllate.org/book/15837/1435659>